

Запорожцева Наталья Семёновна
Музей школы № 4 г. Сарапула
«Сарапульская старина»

САРАПУЛЬСКИЙ СКАЗОЧНИК

142 года назад на окраине Вятской губернии в городе Сарапуле в купеческой семье Ончуковых родился сын Николай. О нем, сказочнике из Сарапула, расцвет творческой деятельности которого пришёлся на годы общественных потрясений, этот очерк.

Уездный город на Каме к XX веку подарил науке не только собирателя фольклора Н.Е. Ончукова (1872-1942), но и этнографов Д.К. Зеленина (1878-1954), Н.Н. Блинова (1839-1917). А герой данного очерка журналист Николай Евгеньевич Ончуков за тридцатилетний труд в фольклористике из простого энтузиаста-собираателя превратился в серьезного и дотошного ученого, и работы его постоянно цитируются во всех научных сборниках фольклора.

Из вятских самый вятский народ

Откуда появилась фамилия Ончуковых в Сарапуле? Потомки нашли истоки рода в г. Слободском, а известно, что «слобожане из вятских самый вятский народ». Род вятчан Ончуковых был славен военными, кузнецами, купцами, кожевниками, благотворителями и меценатами, садоводами, учеными и педагогами.

В Слободском по переписи 1710 года жили солдаты Иван да Карп Максимовичи Ончуковы, Иван – 1645 г. рождения, а брат – на шесть лет младше. Известно, что в войну 1812 года слободской мещанин Иван Ончуков вступил в народное ополчение, а с начала XIX века были известны слободской купец 3 гильдии Василий Ончуков и гласный Григорий Ончуков, позже там проживали уже шесть семей Ончуковых — кузнецы, купцы. В конце XIX века купец 1 гильдии Пётр Гаврилович Ончуков, который входил в шестерку миллионеров Слободского, пожертвовал тысячу рублей для раздачи нуждающимся при голоде в 1890 г., за что был удостоен

грамоты на Почетное потомственное гражданство. Он же начал и перестройку Никольского храма, которую заканчивал уже его сын, Михаил Петрович. Михаил Петрович Ончуков служил управляющим винокуренным заводом Александровых в 1904 г. Он финансировал строительство реального училища в Слободском на улице Рождественской, чем и заслужил звание Почетного гражданина города. Ончуковы выстроили несколько особняков в Слободском. [1] При развитии промышленности в начале XX века Ончуковы стали развивать свой капитал в Сарапуле, в Ижевском и Воткинском заводах, где «Кожевенная мануфактура Ончуковых» вошла в десятку ведущих местных предприятий. Дом купца Ончукова Николая Ивановича, владельца кожевенного заведения, находился в Воткинске на улице Поповской, а в Ижевске лавки купцов находились на Базарной (нынешней улице Горького). В Сарапуле на Вятской улице Ончуковы торговали шубным и кожевенным товаром и занимались садоводством.

*

Жизненный путь нашего героя, Николая Евгеньевича Ончукова, был извилист и драматичен. У его родителей, Евгения Ивановича и Марии Владимировны, было пять дочерей и последний – долгожданный наследник-сын, которого все баловали; он рос капризным и своенравным. Мать умерла, когда ему было три месяца, и бабушка забрала Колю и его сестру Сашу в Воткинский завод. «Бабиньку» мальчик любил больше всех. Каждый год она с Николаем ездила в Сарапул навестить отца. В один из таких визитов загорелся соседний дом купца Шитова. Старшая сестра спрятала малышкой за баню, и их не скоро нашли. После пожара мальчик с испугу стал так сильно заикаться, что порой не мог произнести ни слова. Отец его долго хворал и в муках умер в 1882 году. Десятилетнего мальчика привезли в Сарапул в семью дяди, Николая Ивановича – купца 2 гильдии, и отдали в приходскую школу. Учился Коля плохо, и во втором классе остался на второй год. Всею виной было заикание, когда он не мог ответить урок, а только краснел и топал ногой. Из-за этого Коля не имел друзей; одиночество он делил с книгами. Литература, история увлекли его, и в третьем классе Николай стал получать пятерки. После окончания приходского и

уездного училища, в 1890 г. Николай едет в Казанскую земскую фельдшерскую школу и через три года учёбы получает свидетельство фельдшера [2]. Профессия фельдшера давала кусок хлеба и независимость. Он боролся с эпидемиями холеры, тифа, скарлатины, дифтерита в родном Сарапуле, в Казанской губернии, заведовал фельдшерским пунктом в одном из сел Пензенского уезда. Сам переболев тяжёлой формой сыпного тифа, Ончуков переезжает в Пермь, а после работает фельдшером в селе Насадка Кунгурского уезда и в местной пересыльной тюрьме. Однако через полгода, за передачу политзаключенным писем и книг, он был уволен со службы и отдан под надзор полиции.

С 1897 года в газетах «Пермский вестник», «Вятский край», «Урал», изданиях Перми, Екатеринбурга стали появляться первые статьи Н.Е. Ончукова. Воодушевленный успехом, он пишет в петербургскую «Неделю», «Сын отечества», «Новое дело», «Северный курьер». Отныне журналистика сопровождает его до самого ареста, и он публикуется в журналах «Санкт-Петербургское земство», «Живая старина», «Краеведение», «Звенья». Но вначале это была «журналистская поденщина» без гарантированного заработка. Друзья посоветовали ему обратиться в Императорское Русское географическое общество, которое финансировало экспедиции по сбору фольклора. Эта работа ему понравилась. Обделенный в детстве материнской любовью, он радовался как ребенок каждой новой притче, песне или сказке, записанной им где-нибудь на северной рыболовецкой тоне: «Удивительно чистыми приятными голосами какими-то особенными песенными мотивами поют былины пижемцы, все равно старики и молодые» [3]. Он стал первооткрывателем былинной поэзии на низовой Печоре.

Русский Север в конце XIX века имел славу главного очага эпической народной поэзии. В 1859 году ссыльный московский студент Павел Николаевич Рыбников записал в Олонецкой губернии более 200 песен и былин, чем произвел огушительное впечатление на научный мир. Сокровище русской культуры – северные былины – сами сказители и былинопевцы называли «старинами». За «старинами» едет на Онегу историк и этнограф А.Ф. Гильфердинг, на Беломорье – А.В. Марков, в Архангельские края – А.Д. Григорьев, на Печору – Н.Е. Ончуков, в Пермский и Вятский

край за сказками – Д.К. Зеленин. Открытие Н.Е. Ончуковым былин на Печоре вызвали фурор в среде петербургских фольклористов. Загадки русского Севера всегда притягивали путешественников, исследователей, и всякий, побывавший в этих краях, стремился сюда снова и снова. Так произошло и с Н.Е. Ончуковым. В 1901 году Ончуков становится членом-сотрудником Императорского Русского географического общества по отделению этнографии и участником известного кружка, группировавшегося вокруг журнала «Живая старина». Среди молодых членов кружка были такие в будущем известные ученые, как вятч-земляк Д.К. Зеленин, М.Б. Едемский, В.И. Чернышев и другие. Деятельность кружка поддерживали академики А.А. Шахматов и В.И. Ламанский, который первым рекомендовал молодому человеку заняться этнографией. Зимой Ончуков учился, а лето проводил в экспедициях: В 1900 – экспедиция на Вишеру в Чердынский уезд Пермской губернии, в 1901 и 1902 – на Низовую Печору в Усть-Цильму и в Поморье к старообрядцам, в 1903-1904 г – сбор в Олонецкой губернии коллекции для этнографической выставки в музее Александра III (коллекции одежды поморов, «палиц» – колотушек для белья, более 60 рукописей сказок, песен, преданий, сотни «старин»); летом 1907 г. – сбор сказок в Олонецкой губернии. Так, за восемь лет неутомимый Н.Е. Ончуков исследовал весь Север России, напечатал ряд статей в журналах и выпустил три книги — «Печорские былины», «Северные сказки» и «Северные народные драмы». В 1903 г. Николай Евгеньевич закончил Археологический институт в Петербурге.

«Произведения, перенятые от профессиональных поэтов Руси – калик и скоморохов, заносились на Печору посредственно, в XVI веке в здешний край приходили двиняне, устюжане промыслять моржей и акул. Особенно часты были сношения Пижмы с хранилищем фольклора – Выгорецкими скитами в Олонецкой губернии, которую В.Ф. Миллер недаром назвал «Исландией русского эпоса». Страшная глушь Печоры, ее отрезанность ото всей остальной России и раскол служили главными причинами, что «старинны» до сих пор удержались на Печоре», — писал Ончуков в 1903 г [4]. Печора в ту пору жила укладом конца XVII века: в деревнях сохранились парчовые барские наряды, которые в столице имелись только в музеях.

Совершенной новостью стали открытия былин на Печоре даже для местной печорской бюрократической интеллигенции: учителей, священников, чиновников, среди которых был даже один действительный член географического общества по отделению этнографии. Ончуков писал, что эта интеллигенция и народ – это «какие-то две отдельные нации, друг другу чужие, друг друга совсем не понимающие, если только не враждующие. Так и живут обыкновенно, высказывая с одной стороны недостижимое превосходство и иногда прямое презрение, с другой, приниженность иль сознание бессилия и пугливую скрытность». [4]

Поднять этот глубокий мощный пласт фольклора помогало Ончукову чутье и такт журналиста, медика, человеческая и профессиональная этика: «Метод сбора старин так прост, он изложен в двух словах А.Ф. Гильфердингом: со старообрядцами обходиться вежливо, не употреблять выражений, оскорбительных для их религиозного чувства».

«Северные сказки» — сборник необычный, — пишет вице-президент Российского фонда культуры А.Л. Налепин. — Иллюзия соприсутствия и сопереживания настолько велика, что читатель постепенно начинает ощущать себя слушателем... Эти сказки доставляют истинное духовное наслаждение, удивляют пестротой сюжетов, изысканностью народной речи, глубоким внутренним трагизмом. В них жизнь русского народа, его вера в правду и справедливость, его радость и страдание, любовь и ненависть».

Сборник Ончукова — «Северные народные драмы» — уникальное по своей полноте издание некогда живого жанра русского фольклора. Народная драма — причудливая смесь стилей, жанров, где каждое слово, выражение или ситуация невольно возвращают нас к неожиданному первоисточнику. Любимый писатель Н.Е. Ончукова, Ф.М. Достоевский призывал тщательно собирать и исследовать этот жанр русского фольклора. Императорское Русское Географическое Общество высоко оценило труды Николая Евгеньевича: книга «По Чердынскому уезду» в 1901 г. была награждена малой серебряной медалью, «Печорские былины» в 1904 году — малой золотой медалью ИРГО, «Северные сказки» — большой золотой медалью ИРГО.

Так он пришел в науку, которую раньше и наукой-то не считал, и собирание сказок и былин стало смыслом всей его жизни. Этнография и фольклористика тогда были в большой моде у петербургских издателей, и они охотно заключали с исследователями соглашения на публикацию корреспонденции о поездках. Позже, когда Ончуков приобрел опыт исследований и стал известен в научных кругах, некоторые издатели специально финансировали его экспедиции. Самое деятельное участие в организации поездки Ончукова на Печору принял владелец «Нового времени» А.С. Суворин.

«Матушка Печора» была для многих поколений северян и главной транспортной артерией, и постоянным местом работы. Былина звучала здесь не в деревнях, а на рыболовных промыслах, куда на долгие месяцы перебиралось чуть ли не все мужское население. «День на Печоре осенью короток, и, проработав часов 5—6, при наступившей темноте все принуждены на невольный отдых, — писал Н.Е. Ончуков. — Вот тут-то и выступают на сцену сказочники и старинщики, которых нарочно старается всеми мерами залучить в артель староста». Н.Е. Ончуков «открыл» многих печорских сказителей: Ф. Хабарова, И.В. Торопова, А.Ф. Вокуева, А.В. Чупрова — «рассказчика-эпика», женщин-сказительниц — Марию Шишолову, Матрену Чуресанову, Наталью Дементьеву. Его поражали печорские парадоксы: «За редкость на Печоре телеги, ездят все больше верхом, а кладь возят на волокушах, и тут же, в этих бездорожных селах тянутся столбы телеграфа, проволока которого, как нервы, соединяет этот живой кусочек давно прошлой жизни с действительностью XX века, кипящего в остальной России». Он записывает песни и сказки на рыболовецких тонях на пронизывающем ветру, в рыбацкой лодке, на пароходе, в избе, пишет так много, что пальцы сводит от усталости. Ученый торопился, он боялся, что когда Печора покроется заводами, постепенно исчезнут и былины. Так и случилось. В конце жизни фольклорист писал: «Как и все собиратели последнего времени, и я, конечно, с грустью наблюдал забвение и разрушение волшебной сказки. Старинная поэзия на Печоре падает, многие старинщики начинают путаться, присочиняют. Получается то, что я наблюдал в Вишере, в Чердынском уезде: через 15 лет после постройки

первого в уезде Кутимского горного завода, население совершенно изменило свой характер, и из грубоватых, но честных, с патриархальными нравами лесных и рыбных промышленников превратились в бесшабашно-дерзких и наглых подсобных рабочих завода и спилось» [4].

Русские подвижники-собиратели, объездив и обходив все глухие уголки Русского Севера, выявили такой необъятный фольклорный материал, что осмысливать его хватит не одному поколению. Если бы не они, целый пласт русского народного творчества мог бы погибнуть безвозвратно.

«Прикамская жизнь»

В 1908 году, уже имея известность в ученых кругах, противоречивый Ончуков неожиданно для всех прекратил научную деятельность и возвратился в Сарапул, где принялся редактировать ежедневную газету «Прикамская жизнь». С 1909 по 1916 г. выходило по 242-290 номеров в год.

Вначале газета взяла прогрессивное направление и бойко критиковала думцев в корреспонденциях Тимона Афинского (псевдоним известного сарапульского адвоката и литератора Ивана Тимофеевича Воронцова). Газета публиковала очерки священника Н.Н. Блинова об археологических находках на Оползине, заметки «Сарапульской старины», статьи о школах, театре. Купеческая жилка Ончукова заставила его развивать торговлю и в редакции, продавая печатную и канцелярскую продукцию, печатая афиши концертов.

Но в последующие годы сформировалось иное направление газеты – консервативно-монархическое. Высмеивание и постоянные резкие выпады Ончукова в адрес известных сарапульских деятелей, язвительный стиль «Прикамской жизни» в отношении конкурентов – газету «Кама» он называл «фаршированной щукой», «Вятскую речь» — «вятской простушкой», — приводили Ончукова к многочисленным судебным искам. Но Николай Евгеньевич, как правило, выигрывал их с помощью толковых адвокатов. Ончуков в этот период даже был выбран гласным в городскую думу, правда, при половинном составе выборщиков. «Сказочным финалом выборов» назвал городской врач Николай Блинов избрание Ончукова.

Н.Е. Ончуков

Но многие статьи газеты отдавали антисемитским душком. Писатель С.Н. Миловский в письмах И.В. Жилкину критиковал газету и ее редактора: «Это истинный и по совести выученик Суворина...поливает на евреев, поляков, финляндцев помоями. Меня, да и всех здесь, вообще удивляет эта травля, – что ему сделали худого евреи? Жена у него ... пишет под псевдонимом «Гугай», и такую гниль разводит, что просто взять бы, да и вышвырнуть. Чета эта считает себя руководителем общественного мнения. По совести говоря, я такого сверхъестественного блуда в печати не видал, пока не встретил Ончукова. Собирал бы он песни, былины, трудился по археологии, и был бы на месте. А то взялся за газету — и вот вам...Газету свою называет сарапульский парламент. Невероятный цинизм!» [5]

Как редактор Н. Е. Ончуков становится заметной фигурой в сара-

пульском обществе; он был одним из инициаторов открытия краеведческого музея в Сарапуле и создания Общества изучения Прикамского края. С группой энтузиастов он занимается этнографией, археологией, ботаникой, изданием музейных сборников. Сарапульский музей обменивался печатными трудами с библиотекой Музея Академии наук, Русским Географическим Обществом, Московскими и Казанскими Обществами натуралистов и др. Одним словом, маленькому музею был задан мощный научный и творческий импульс. Газета «Прикамская жизнь» с момента своего возникновения в 1909 году доставлялась в музей бесплатно по инициативе её издателя. Изменилась и личная жизнь ученого: он женился. В эти революционные годы Ончуков считал не фольклор, а журналистику главным делом своей жизни. Его не смущало, что из-за покровительства Суворина некоторые сарапульские либералы причисляли ончуковскую «Прикамскую жизнь» к черносотенным газетам.

«Гугай»¹

Когда Ончуков взялся редактировать новую газету в родном Сарапуле, жена стала его первой помощницей. Она писала хлесткие статьи, очерки в газеты и, конечно, прежде всего, в «Прикамскую Жизнь». Некоторые из этих статей имели явный привкус национализма и весьма раздражали сарапульскую либеральную интеллигенцию. Несмотря на националистические перегибы, газета «Прикамская Жизнь» сыграла прогрессивную роль в истории Сарапула, явилась трибуной для талантливых журналистов, таких, как Тимон Афинский (И.Т. Воронцов), С. Елеонский (С.Н. Миловский), который все же опубликовал в газете ряд своих очерков. По иронии судьбы, один из лучших некрологов на трагическую смерть С.Н. Миловского был написан именно «Гугаем».

В лучших статьях, очерках, зарисовках «Гугая» – драгоценные блески сарапульского быта, то смешного, нелепого, то нового, необычного, то жалкого, отживающего: «Беспечно пожевывает сарапульский обыватель огурцы и попивает с мухами квас, и горя ему мало, что холера из Петер-

¹ Гугай — филин из «Северных сказок» Ончукова.

бурга расползается по всей России и находится уже в соседях, в Пермской губернии» («На базаре», 1909); «Дети, подростки в белых, голубых и розовых платьях, реалисты в самых белоснежных воротничках. Детские голоса стройно и радостно поют о воскресении Христа» («На Пасхе»); «То ли дело жить с нашим старым, родненьким шитовским керосинцем!» («Насмотрелись»).

При чтении статей Гугая складывался своеобразный облик этой женщины. Очевидно, она была образованна, прогрессивна и не робкого десятка, не боялась написать острое словцо и едва ли обращала внимание на косые взгляды сарапульцев в свою сторону. Мы полагаем, что мужской псевдоним, которым она подписывала свои статьи, был выбран не случайно; он отражал ее деятельный и решительный характер (вспомним «Штурман Жорж» в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова). Не случайно активная и решительная женщина оказалась рядом с многоталантливым, но мятущимся и нерешительным Николаем Евгеньевичем.

Оставалось узнать, как звали жену фольклориста. В художественной галерее Сарапула я увидела портрет девушки кисти художника Беркутова с подписью: портрет Анчуковой, начало XX века. Не жена ли Николая Евгеньевича? Ответ я получила только через несколько месяцев, встретившись с живущей в Сарапуле правнучатой племянницей Ончукова, Натальей Александровной Бойко. От нее я узнала, что мужчины семьи Ончуковых занимались в Сарапуле продажей кож и пушнины, а женщины – садоводством. В районе нынешней обувной фабрики и на месте современного радиозавода у семейства были участки земли, теплицы, где Ончуковы выращивали рассаду. При организации концертов, благотворительных вечеров 1914-1918 гг. сарапульцы осуществляли покупку букетов через фирму «Садоводство Анчуковой», практически не имеющей конкурентов. [6] Изменение буквы фамилии, вероятно, коммерческая задумка, разделявшая издательский бизнес брата и садоводческий – сестер. После переезда в Ижевск сестры Ончуковы были первыми организаторами гор-зеленхоза. Героиней портрета Беркутова оказалась двоюродная сестра фольклориста, Юлия Владимировна Ончукова².

² Воспоминания Бойко Н.А.

Аннушка

В ходе подготовки материала для уральской энциклопедии дореволюционных женщин-литераторов, я открыла для себя имя известного ботаника Анны Александровны Ончуковой-Булавкиной. Она, уроженка Ревеля, была на 10 лет младше Ончукова. Ее детство повторяло семейную историю Николая Евгеньевича: мать умерла в родах, отец-педагог чуть позже – от туберкулеза, при мачехе девочке пришлось рано подрабатывать частными уроками, чтобы доучиться в ревельской гимназии. С фотографии 1908 года внимательными умными глазами смотрит серьезная интеллигентная девушка.

А.А. Ончукова-Булавкина

В 1916 году она окончила Высшие Женские естественно-научные курсы в Петербурге и выдержала экзамены в физико-математической комиссии Петроградского университета, получив диплом первой степени. В 1918 году девушку приглашает ассистенткой по ботанике приват-доцент В.Л. Комаров, будущий президент Академии наук. Так началась научная деятельность Анны Александровны, впоследствии известного ботаника, кандидата биологических наук. Встреча с Николаем Евгеньевичем состоялась в Петербургском государственном университете, где он был доцентом на кафедре этнографии. «По настойчивой просьбе Н. Е. Ончукова», как пишет Анна Александровна, в 1929 году она стала его женой. Ему было 57 лет, ей – 47. Детей у них не было.

По письмам Анны Александровны, ее документам, научным статьям облик этой строгой, умной женщины, целиком отдающей себя любимому делу – ботанике, никак не вязался ни с псевдонимом «Гугай», ни с содержанием статей в «Прикамской Жизни». Да и хронологически встреча двух научных фанатов – фольклора и ботаники – произошла гораздо позже закрытия газеты. Резонно было предположить, что в «Прикамскую Жизнь» писала статьи другая женщина – Ончукова, но не Анна Александровна. Выходит, Анна была не единственной женой известного фольклориста?

Так и оказалось. В РГАЛИ были найдены документы о расторжении церковного брака Н.Е. Ончукова с Александрой Петровной Ончуковой (Тихановой) в 1924 году, свидетельство о браке Н. Е. Ончукова с Анной Александровной Булавкиной в 1929 году и фото двух женщин. Все встало на свои места. Автор псевдонима Гугай, женщина-праздник, Александра Петровна Тиханова была *первой* женой Ончукова. Мы нашли петербургскую фотографию Александры Петровны 1917 года, подаренную Николаю Евгеньевичу. На ней симпатичная кокетливая дама в шали, на обороте посвящение мужу: «Пусть все не вечно, ну, так что ж? Пусть осень жизни впереди! Но призрак счастья так хорош, Так хороша весна любви!» А. Тиханова [7].

Да, это ее стиль, «Гугая», легковесный, жизнерадостный. Но ее жизнь сложилась далеко не безоблачно, о чем свидетельствуют найденные в сарапульском архиве документы.

А.П. Ончукова-Тиханова

*

В гражданскую войну Н.Е. Ончукова мобилизовали на борьбу с тифом в Забайкалье. Об этих годах он написал впоследствии воспоминания, понимая, какими ценными для будущих историков и литераторов окажутся свидетельства современника тех лет. Пытался он поступить на медицинский факультет Томского университета. Из Забайкалья переехал в Пермь, где преподавал в университете. Ончукова тянуло вернуться к делу своей молодости, и в 1922 году, в пятьдесят лет, он становится студентом исторического факультета Иркутского университета. В письме к В. И. Срезневскому он писал: «...Годы мои уходят, но интерес к науке (истории и литературе) как будто еще обострился, во всяком случае, стал еще шире и

глубже... Да кроме того все время тревожит сознание, что остаток дней своей жизни нужно провести с пользой для родины». После непродолжительного преподавания в Пермском университете осенью 1924 года он переезжает в Петроград, где снова активно включается в научную деятельность. Доцент университета Ончуков пишет ряд интересных исследований, совершает несколько экспедиционных поездок. Уникальный интерес для нашей культуры представляет известный очерк Ончукова «Масленица», где были воспроизведены записи масленичных игр, а также работа «Песни и легенды о декабристах» — самое значительное среди исследований Ончукова в советский период. В.Д. Бонч-Бруевич писал, что значение работ ученого отметил В.И. Ленин: «В сказках Ончукова, которые я перелистал, — ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нам нужно было обратить внимание наших историков литературы. Это подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни» [8].

Случай с Ариадной

Катастрофическая революционная ломка не обошла Сарапул: купцы, духовенство, интеллигенция после 1917 года, опасаясь репрессий, вынуждены были покинуть город. Рушились судьбы, ломались семьи.

Редактор «Прикамской жизни» Николай Евгеньевич Ончуков уехал из Сарапула в Сибирь в 1918 году и вернулся в 1923.³ Вернувшись, с удивлением обнаружил дома двухлетнюю дочь Ариадну, имевшую его отчество и фамилию. С негодованием обратился журналист в духовное правление к епископу Елабужскому с прошением о снятии церковного брака с Александрой Петровной Ончуковой:

«Его Превосходительству Георгию, епископу Елабужскому
Проживая в г. Сарапуле, с сентября 1918 г. я уехал в Сибирь и до 1923 г. не

³ Обстоятельства жизни Н.Е. Ончукова в годы Гражданской войны с 1918 по 1923 гг. пока мало изучены. В фонде 1366 РГАЛИ имеются лишь некоторые документы, проливающие свет на деятельность этнографа и журналиста, который вернулся к медицинской деятельности:

бывал в Сарапуле. За время моего отсутствия 1 января 1921 г. у жены моей Александры Петровны Ончуковой родилась дочь, крещенная 17 января в Благовещенской церкви женского монастыря под именем Ариадны. Ввиду нарушения женой моей супружеской верности прошу Ваше Преосвященство снять с брака моего с ней церковное благословение. Брак был совершен в Сарапульской Никольской церкви января 8 дня 1917 г. Александра Петровна в настоящее время проживает в Мензелинске. Прилагаю: Выписку из церковного брака, выписку о крещении дочери Ариадны, отзыв гр. Ю.Е. Барабанщиковой, отзыв гр. В.М. Кутыревой.

Николай Евгеньевич Ончуков, проживающий по ул. Коммунальной, 68» [9].

В доказательство, того, что не он приходится отцом несчастной Ариадне, Ончуков заручился свидетельством двух человек (в том числе своей сестры Юлии Барабанщиковой), которые подтвердили его пятилетнее отсутствие в Сарапуле. В деле фигурировала и метрика о крещении младенца. Восприемником при сем событии оказался некий греческий подданный г. Кавала Афанасий Николаевич Какулидис. Прошение о разводе епископом было удовлетворено.

Опозоренная Александра Петровна с Ариадной уехала в Мензелинск к сестре, которая, была возмущена поступком зятя и разразилась гневным письмом в адрес его и епископа. В этом письме она оправдывает сестру, пережившую арест, насилие, конфискацию жилья и имущества:

«Николай Евгеньевич Ончуков в 1918 году, спасая свои живот, оставил, скорее, бросил свою жену в своих домах на произвол судьбы, где ее арестовали, посадили в тюрьму и чуть не расстреляли из-за сбежавшего мужа. Почему он не взял ее с собой? Ведь она жила с ним 10 лет и незаметно было ее плохое поведение. Может, ее заставили обстоятельства жить с тем человеком, от которого родилась у нее дочь. Когда она вышла из тюрьмы, у нее все отобрали до последнего стула, — ни одежды, ни денег, ни белья... Чем же виноват ребенок, который родился при таких обстоятельствах? Прошу вас ответить в Мензелинск, буду премного благодарна.

Сестра жены Ончукова, Пелагея Петровна Щипицына. 19 сентября 1924 г.» [9]

Через некоторое время Н.Е. Ончуков переедет в Петербург заключит брак с Анной Александровной Булавкиной. Преданный своей профессии, Н.Е. Ончуков в бытовом отношении был мало приспособленным, и обе его жены решительно брали бразды правления в свои руки. После увольнения из Ленинградского университета кандидат биологических наук Анна Александровна Булавкина-Ончукова пополнила ряды пензенских ботаников. В Пензе и ее окрестностях постоянно проводила гербарные сборы и монографическую обработку растений, публиковала интересные статьи о Ботаническом саде, добилась отделения его от краеведческого музея в самостоятельное научное учреждение.

В 1935-1939 гг. она, старший научный сотрудник Жигулевского заповедника, изучала природные особенности Хмелевого участка заповедника, исследовала флору Бузулукского бора, описала 666 видов растений. Бузулукский бор – самый крупный в степной зоне и единственный реликтовый лесной массив в степном Заволжье, общая площадь его составляет около 350 тыс. га. Трудно представить, сколько километров надо было пройти немолодой 50-летней женщине, чтобы достичь научного открытия! И сейчас ее отчеты о полевых исследованиях цитируют российские биологи в своих работах.

А Николая Евгеньевича впереди ничего хорошего не ожидало. В Пензе он стал конфликтовать с соседями, писать жалобы в различные инстанции. Наградой за многолетний труд этнографа и журналиста стали два ареста, каторжный труд на лесоповале и смерть в лагере под Пензой.

О дальнейшей жизни Александры Петровны почти ничего не известно. Ариадна выжила, родила сына Павла, который стал... исследователем биографии и творчества своего «несостоявшегося отца» Николая Евгеньевича Ончукова!

Репрессии

Николай Евгеньевич Ончуков 30 лет жизни отдал собиранию

фольклора в «медвежьих углах» России и Советского Союза. Благодаря педантичности его жены, Анны Александровны, которая тщательно собрала архив мужа, составила хронологию жизни Н.Е. Ончукова, мы знаем сегодня, что он объездил верхнюю Вишеру, Колву, Каму, Тавдинский уезд и Печорский бассейн, трижды посетил Чердынский уезд. Им было записано на Печоре 46 былин, а с вариантами – 82, духовных стихов – 9, с вариантами – 15, исторических – 44, сказок – 50. На Печоре он объездил 1825 верст, из них на пароходе – 1400, на лодке – 17, на лошадях – 284, пешком – 24 версты. Он изучал фольклор в Тюменской и Ленинградской области, на Украине, в Прикамье, в 1923 г собирал материал в Чердынском уезде для Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Сотрудничал с Кружком по изучению Северного края при Пермском университете. Всего на пароходах и железных дорогах объездил более 5000 верст. Напечатал 82 работы, из которых 35 после революции. Осуществил 13 командировок в различные районы страны по заданию научных и правительственных учреждений. В 20-30-х гг. он участвовал в работе над академическим «Словарем русского языка». После развода с Александрой Петровной, в 1925 году, Николай Евгеньевич продолжил преподавательскую работу в Ленинграде. Он ездит в экспедиции на Урал, ведет большую собирательскую работу в Сибири, интересуется современным фольклором, т.е. устным творчеством людей, переживших революцию и гражданскую войну. Недолго длилось семейное счастье. Он тяжело заболел паратифом, который оставил осложнения до конца жизни. Аннушка полгода просидела у постели мужа, выхаживая его как ребенка. Следующим летом она повезла его в Крым долечиваться. По возвращении семьи из Крыма в ленинградскую квартиру на Аптекарском, 10, нагрянула милиция: по доносу одного из краеведов Николай Евгеньевич был арестован 1 сентября 1930 года, как и все остальные члены Ленинградского краеведческого общества, «за контрреволюционную деятельность и хранение нелегальной литературы» (при обыске нашли 2 рукописи Ончукова о Колчаке).

20 мая 1931 года ученый был приговорён по статье 58-11 УК РСФСР к высылке в Северный край. Наказание отбывал до 26 июля 1932 года в городах Котлас и Никольск. В Котласе работал дезинфектором в тифозном

бараке. Анна Александровна обратилась к В. Бонч-Бруевичу, который ходатайствовал перед С.М. Кировым. После ходатайства Николай Евгеньевич был досрочно освобожден, вернулся в Ленинград и принялся за свою любимую работу в Академии наук. В 1934 году доценту Ленинградского университета Ончукову была назначена академическая пенсия. Но после убийства С.М. Кирова в 1935 году «социально опасный элемент» Н.Е. Ончуков был выслан из Ленинграда в Пензу вместе с женой с запретом жить в столице и 15 областях страны. Второй раз он был арестован уже в Пензе по делу «контрреволюционной группы церковников» по доносам пензенского священника А.М. Смирнова и хозяина квартиры, учителя математики Померанцева, надеявшегося поскорее избавиться от своего постояльца. 5 октября 1939 года ученый был осужден на 10 лет лишения свободы. В конце жизни «Н.Е. был тяжело больным человеком, — пишет Анна Александровна, — ярко выраженная неврастения возбуждала против Николая Евгеньевича многих людей, которые рассматривали его через призму обычного обывателя, не понимая его значения самородка-ученого, с самоотвержением и безотказно работавшего за ничтожное вознаграждение или за свой счет на пользу науки и родины» [10]. Николай Евгеньевич отбывал наказание за 10 км от Пензы в ИТК № 1 НКВД, пос. Ахуны. Он писал жене из тюрьмы: «Дорогая Аннушка! Передачу получил. Масло по получении уже текло, в рот не попало. Принеси: бинт узкий, хлеба черного, масла, сахару, сухарей черных, редьки, морковки, две иглы (прежние уже украдены), луку и чесноку, гребень частый (очень нужно), газет для раскурки. Раньше 10 дней не приходи, в мороз и буран также».

Нельзя равнодушно читать последнее письмо Ончукова 2 февраля 1942 г: «Дорогая, милая Аннушка! Здравствуй! До сих пор не удосужился горячо поблагодарить тебя за передачу – она хороша. Но картошка перемерзла, лук также, а кисель не вкусен. В следующую передачу, пожалуйста, если можно, побольше мясного, хотя бы требушины да пожирнее. Очень зябну на работе. До передачи еще осталось 6 дней, а у меня кроме хлеба ничего не осталось...пожалуйста, побольше мяса и пожирнее...картофеля печеного, нельзя ли конфеток, хотя бы немного, так соскучился о них. Питание по-старому: хлеб черный с серым или рыжим. Нельзя ли

что-нибудь молочного, творогу, брынзы... также горчицы, редьки, моркови побольше, сахарин... Яйца на этот раз порченые. Дует, дует...холодно, мерзну, башлык не согревает...ремонт крепкими суровыми нитками...при ежедневной работе по несколько часов всё рвется очень быстро. Палец всё болит. Нужен бы покой ему, а я все в движении. А так здоров, аппетит волчий, привык есть много хлеба, но один хлеб мало греет. Желая тебе здоровья и благополучия и крепко тебя целую и горячо за всё благодарю. Твой Николай. Сахар лучше кусками, а счет писать в списке. Вообще, все нужно писать, чтобы ничего не потерялось. Деньги еще раз пошли (30 рублей не приняли) а вот примут хотя бы 10-20 рублей. Газетной бумаги для раскурки побольше...Всем моим приятелям и знакомым привет от всего сердца» [11].

В тюрьме он подвергался унижениям со стороны заключенных-уголовников и охраны. Тяжелобольного пожилого ученого направили на лесозаготовки. От репрессий не спасла и широко известная оценка В. И. Лениным его трудов. 11 марта 1942 г., вскоре после своего 70-летия, Николай Евгеньевич скончался в лагере и был похоронен в роще близ поселка Ахуны. Полностью реабилитирован лишь в 1989 г. Его жена, Анна Александровна Булавкина-Ончукова, пережила его на 5 лет и была похоронена на пензенском Митрофаньевском кладбище.

Трех фольклористов и этнографов дал уездный Сарапул стране – и каких! – Д.К. Зеленина, Н.Н. Блинова, Н.Е. Ончукова. За свои труды действительные члены ИРГО Н.Е. Ончуков и Н.Н. Блинов в начале XX века получили пять золотых и серебряных медалей Императорского Русского Географического общества, Д.К.Зеленин стал профессором и членом-корреспондентом Академии наук, вошел в десятку лучших этнографов мира. Славно потрудились ученые и в своем городе: были создателями Общества изучения Прикамского края, музея истории и культуры Среднего Прикамья, существенно дополнили его коллекцию этнографическими экспонатами, книгами, оставили сарапульцам начальные школы и приюты для сирот, летопись города Сарапула. И сохранили потомкам жемчужины народной культуры, которые могли быть навсегда утрачены.

Приложение:

Хронология жизни Н.Е. Ончукова [12]

3 марта 1872 г. – родился в г. Сарапуле в семье кустаря-скорняка, торговца овчинами Евгения Ивановича Ончукова

Июнь 1872 г. – смерть матери Николая и переезд его в Воткинский завод

1879 г. – поступление на учебу в приходскую школу Сарапула

1891–1893 г. – учеба в лекарской школе Казани (31.08.1893 утвержден в звании фельдшера)

1893–1898 гг. – работа фельдшером в Казанской губернии, Сарапуле, в Пензенской губернии. Переболел тяжелой формой пятнистого тифа.

1898 г. – Переезд в Пермь. Работа в отделении статистики Чердынской земской управы

1897–1930 гг. и 1935–1940 гг. – журналист в газетах «Неделя», «Сын отечества», «Новое время», «Живая старина», «Краеведение», «Северный курьер», «Звенья».

1900 г. – член-сотрудник Императорского Русского географического общества по отделению этнографии и член краеведческого кружка редакции журнала «Живая старина» (вместе с Д.К. Зелениным, М.Б. Едемским, В.И. Чернышевым и др.) под руководством академиков А.А. Шахматова, В.И. Ламанского.

1900 г. – экспедиция на Вишеру в Чердынский уезд на 1,5 месяца

1901 г. – экспедиция на Низовую Печору в Усть-Цильму (записано 7 былин)

2 апреля–4июля 1902 г. – экспедиция в Низовья Печеры – Усть-Цильму за былинами (записано 46 былин, духовных стихов – 9, исторических – 44, сказок – 50)

1903 г.– окончание археологического института по специальности церковная археология

1900–1908 гг. – фольклорно-этнографические экспедиции на Север

1901 г. – выпуск книги «По Чердынскому уезду» (награждена малой серебряной медалью)

1904 г. – выпуск книги «Печорские былины» (малая золотая медаль ИРГО)

- 1904 г. – сбор этнографического материала для музея Александра III
- 1906 г. – выпуск книги «Северные сказки» (большая золотая медаль ИРГО)
- 1911 г. – выпуск сборника «Северные народные драмы»
- 1908–1917 гг. – редактор газеты «Прикамская жизнь» г. Сарапула
- 1908 г. – принял участие с группой единомышленников в создании краеведческого музея в Сарапуле и общества изучения Прикамского края.
- 1917 г. – венчание с Тихановой А.П.
- 1918–1919 гг. – нахождение в Сибири (в армии Колчака?)
- 01.05.1920 г. – удостоверение фельдшера в Московском ревкомитете
- 10.06.1920 г. – временное удостоверение, что состоит фельдшером переселенческой больницы
- 1922 г. – учеба в Иркутском университете на историческом факультете
- 1924 г. – преподавательская работа в Пермском университете
- 1924 г. – расторжение брака с Ончуковой-Тихановой
- 1925 г.(?) – переезд в Петроград. Приват-доцент Петроградского Гос. Университета
- 1925 г. – секретарь Ленинградского отделения общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока
- 1926 г. (?) – публикация сборника «Тавдинские сказки», «Сказки одной деревни», «Масленица», «Песни и легенды о декабристах».
- 1929 – женитьба на Анне Александровне Булавкиной
- Осень 1929 г. – заболел возвратным тифом
- Лето 1930 г. – поездка в Крым на лечение
- 1 сентября 1930 г. – арест в Ленинграде, освобождение по ходатайству
- 20 мая 1931 года – арест в Ленинграде, осужден по ст.58-11 УК РСФСР
- С 1931 до 26 июля 1932 отбывал ссылку в г. Котласе и Никольске
- 29.01.1933 г. – подготовка материалов для «Словаря русского языка»
- 10.04.1933 г. – обращение В.Д. Бонч-Бруевича с письмом к С.М. Кирову об Ончукове
- 05.09.1934 г. – назначена академическая пенсия.
- 23 марта 1935 года выслан вместе с женой из Ленинграда как социально опасный элемент и лишен права проживания в столице и в 15 областях РСФСР

Март 1935 г. – переезд с женой в Пензу

1936 г. – изучение фольклора в пределах Самарской Луки

5 октября 1939 года арестован по доносу и осужден по делу «контрреволюционной группы церковников» по ст 58-10 на 10 лет, отбывал наказание за 10 км от Пензы в ИТК № 1 пос. Ахуны

11 марта 1942 г. Н.Е. Ончуков умер и похоронен в пос. Ахуны

1989 г. – полностью реабилитирован

Источники и библиография

1. По материалам родословной росписи Ончуковых из архива племянницы Ончукова Т. Блаженковой, г. Санкт-Петербург
2. РГАЛИ, ф.1366 Н.Е. Ончукова, оп.1 ед.хр.101 Свидетельство от 31 августа 1893 г вр. Отд. Казанского губ. правления об утверждении в звании фельдшера
3. Печорские былины/записал Н. Ончуков. – СПб, 1904 г
4. «Северные сказки» Сб. Н.Е. Ончукова//Записки Императорского русского географического общества — СПб., 1908
5. РГАЛИ, фонд 200 И.В. Жилкина оп.1 ед.хр.61. Письмо С.Н. Миловского – И.В. Жилкину 5 ноября 1910 г
6. ГАКО ф.582 оп.155 ед.хр. За 2 том стр.694. 29.01.1915 Сарапул Гоголевская улица, «Садоводство Анчуковой» (владельцы Д. и А.Поповы), цветы на спектакль 5 рублей
7. РГАЛИ, фонд 1366, оп.2,ед.хр.19(в деле 1 фото) д. фото А.П. Ончуковой (Тихановой) Александры Петровны, первой жены Н.Е. Ончукова.
8. РГАЛИ ф.1366, оп.2 ед. хр. 13 Бонч-Бруевич В.Д. Характеристика Н.Е. Ончукова, 1940 г
9. Управление по делам архивов Администрации Сарапула, ф.64, оп.3,дело 126 «О снятии церковного брака с Н.Е. Ончукова»
10. ИС АРАН ф.277 оп.4 Д.359 Письма и телеграммы Булавкиной-Ончуковой А.А В.Л. Комарову
11. РГАЛИ, ф.1366, оп. 2 д.5 Письма Н. Е. Ончукова жене Ончуко-

Запорожцева Н.С. Сарапупльський сказочник. **Первая Мировая. Восстание. Гражданская война.** / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: научно-практический журнал. № 7 (24). 2014, С. 69-91
Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

вой-Булавкиной А.А.1939, 1942

12. Хронология составлена по жизнеописанию Н.Е. Ончукова (составленному частично им, а больше А.А. Булавкиной), РГАЛИ, ф.1366, оп. 1, ед.хр. 135